

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.8.4>

Бурая Инна Викторовна

[А. И. Галанин на "краеведном фронте" и после \(к истории тольяттинского краеведения\)](#)

Цель исследования - выявить этапы и особенности развития краеведческой деятельности А. И. Галанина, одного из ведущих краеведов г. Тольятти в 1960-х - начале 1980-х гг. Наиболее пристальное внимание в статье уделяется периоду 1919-1953 гг., который, как показало изучение документов, сформировал его как краеведа. Научная новизна исследования связана с появлением наиболее полной на сегодняшний день реконструкции биографии А. И. Галанина, рассмотренной во взаимосвязи с общественно-политической и культурной проблематикой советской эпохи. Наиболее значимые результаты работы связаны с созданием представлений о генезисе просветительской и краеведческой деятельности А. Галанина, выделением и характеристикой её этапов, что позволило заполнить определённые пробелы в истории тольяттинского краеведения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/8/4.html

Источник

[Манускрипт](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 8. С. 27-36. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/8/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hlist@gramota.net

53. **Синова И. В.** Дети трудящегося населения в городском российском социуме в 1861-1914 гг.: проблемы девиантности и виктимизации (на материалах Санкт-Петербурга): автореф. дисс. ... д. ист. н. СПб., 2014. 58 с.
54. **Сунгуров П. А., Петрова В. П.** Криминальная ситуация в Тобольской губернии (последняя треть XIX века) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2012. № 2. С. 121-125.
55. **Татарникова А. И.** Экстремальное в повседневной жизни населения Западной Сибири в период эпидемий конца XIX – начала XX в. // Genesis: исторические исследования. 2019. № 9. С. 40-54.
56. **Трошина Т. И.** Народное пьянство на Европейском Севере России (конец XIX – начало XX в.) // Новый исторический вестник. 2011. № 2 (28). С. 19-29.
57. **Федькин А. В.** Современная отечественная историография повседневной жизни рабочих России в конце XIX – начале XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 4. № 3. С. 113-119.
58. **Хроника происшествий** // Тобольские губернские ведомости. 1878. 3 июня.
59. **Хроника происшествий** // Тобольские губернские ведомости. 1886. 4 июня.
60. **Хроника происшествий** // Тобольские губернские ведомости. 1897. 15 марта.
61. **Хроника происшествий** // Тобольские губернские ведомости. 1897. 20 декабря.
62. **Хроника происшествий** // Тобольские губернские ведомости. 1898. 3 июня.
63. **Шаламова С. А.** Молодежь губернских и областных центров Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в.: формы общения и нормы поведения: автореф. дисс. ... к. ист. н. Иркутск, 2010. 26 с.
64. **Шаламова С. А.** Особенности отклоняющегося поведения молодежи Иркутска в конце XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4 (64): в 4-х ч. Ч. 2. С. 265-268.
65. **Шевченко И. А.** Потребление алкоголя и борьба за трезвость в великорусской деревне Центра России в конце XIX – начале XX в.: автореф. дисс. ... к. ист. н. Липецк, 2015. 24 с.

Deviant Behaviour in Towns of Western Siberia in the Second Half of the XIX Century

Akberdeeva Dinara Ilgizarovna

Aksarin Vyacheslav Valerievich, PhD

Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

akberdeeva.dinara@mail.ru; aksarin_80@mail.ru

The study aims to consider the influence the processes of social-economic development had on deviant behaviour exhibited by the urban population of Tobolsk province in the times of modernisation changes in the second half of the XIX century. Special attention has been given to crime, drunkenness and alcoholism, suicides. Scientific novelty of the research lies in taking a fresh look at deviant behaviour among the province's population: for the first time statistical data on a number of deviations over a long period of time are presented. As a result of the study, it has been determined that these deviations predominated among the population. Some of them were not always met with disapproval due to their prevalence and were perceived as a norm by the society.

Key words and phrases: deviations; crime; drunkenness; suicide; Tobolsk province; the second half of the XIX century.

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.8.4>

Дата поступления рукописи: 14.07.2020

Цель исследования – выявить этапы и особенности развития краеведческой деятельности А. И. Галанина, одного из ведущих краеведов г. Тольятти в 1960-х – начале 1980-х гг. Наиболее пристальное внимание в статье уделяется периоду 1919-1953 гг., который, как показало изучение документов, сформировал его как краеведа. **Научная новизна** исследования связана с появлением наиболее полной на сегодняшний день реконструкции биографии А. И. Галанина, рассмотренной во взаимосвязи с общественно-политической и культурной проблематикой советской эпохи. Наиболее значимые **результаты** работы связаны с созданием представлений о генезисе просветительской и краеведческой деятельности А. Галанина, выделением и характеристикой её этапов, что позволило заполнить определённые пробелы в истории тольяттинского краеведения.

Ключевые слова и фразы: советское краеведение; г. Тольятти; Александр Иванович Галанин; Самарская (Куйбышевская) область.

Бурая Инна Викторовна, к. иск., доц.

Лицей искусств, г. Тольятти

inna0769@yandex.ru

А. И. Галанин на «краеведном фронте» и после (к истории тольяттинского краеведения)

Тольяттинский краевед Александр Иванович Галанин (1896-1984) – один из многих, кто попал в исторический водоворот 1920-1930-х гг., а затем на долгое время остался безгласным пострадавшим, почти наедине с пережитой драмой и её последствиями. Биография страны настолько обусловила особенности развития краеведческой линии в судьбе А. И. Галанина, что знакомство с ней становится экскурсом в советскую эпоху.

С точки зрения последствий воздействия репрессивной системы 1930-1940-х гг. жизни краеведа Галанина и широко известных людей вполне сопоставимы. В качестве иллюстрации этого положения приведём

выдержки из воспоминаний историка архитектуры авангарда С. О. Хан-Магомедова о его первых встречах с Л. М. Хидекелем (1904-1986), преподавателем Ленинградского инженерно-строительного института, учеником М. Шагала, Л. Лисицкого, К. Малевича: «...я увидел запуганного человека...», который «боялся, что, как и раньше, его могут обвинить в том, что, не умея рисовать архитектурные детали, он и выбрал доступный любому геометрический супрематизм», «как-то потерянно сидел среди своих блестящих супрематических работ, уже не понимая их ценности», просил «больше не подвергать его угрозе... критики, а публиковать его супрематические работы вместе с его неоклассикой» [20, с. 453].

Вынужденный отказ от профессии учителя долгие годы омрачал и жизнь А. И. Галанина. Переживания «рядового» советского человека в связи с несправедливыми обвинениями в конце 1930-х гг., его восприятие и объяснение произошедшего – важная часть ценностных аспектов новейшей истории России. Одна биография – не повод судить об эпохе, но понять устройство механизма отлучения человека от стремления к самореализации, сдерживания его творческих потенциалов её анализ вполне позволяет. В качестве методологического посыла здесь уместно привести слова С. Л. Рубинштейна о «правильном понимании субъективного как формы объективного» [Цит. по: 15, с. 510].

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью восполнить пробел в знаниях по истории тольяттинского краеведения. Цель исследования подразумевала решение определённых *задач*: изучить и охарактеризовать мало представленный в публикациях период жизни краеведа до его приезда в 1953 г. в Ставрополь (с 1964 г. – Тольятти); выявить степень влияния этого периода на последующую общественную и краеведческую деятельность А. Галанина; реконструировать его биографию, выделив в ней этапы развития краеведческой деятельности.

Конкретно-историческое исследование реализовано с опорой на реконструктивный и сравнительный *методы*, причинно-следственный анализ. Воссоздать события 1920-1940-х гг., ранее не входившие в сферу внимания исследователей жизни краеведа, и зафиксировать отношение современника к происходившему, с учётом того, насколько это отношение можно было выразить, позволили письменные документы.

Источниковую базу исследования составили документы личного фонда краеведа из городского архива Тольятти [12] и семейной коллекции. Работа с последней стала возможна благодаря потомкам, бережно сохранившим документальные свидетельства, позволившие реконструировать биографию А. И. Галанина. В связи с этим хочется выразить большую признательность Сергею Борисовичу Дёмину, внуку краеведа, за предоставленные материалы из семейного архива, а также неоднократные консультации по различным вопросам жизни и общественной деятельности Александра Ивановича. Невозможно не упомянуть о В. А. Бобылеве, который однажды принёс альбомы краеведа на кафедру одного из тольяттинских вузов, вызвав интерес к его наследию у автора данной статьи. **Теоретической базой** исследования стали литература по истории советской педагогики 1920-х – начала 1950-х гг., научные статьи В. Ф. Козлова [6] и А. Г. Смирновой [14], освещающие проблемные вопросы развития советского краеведения и экскурсоведения и др. **Практическая значимость** исследования заключается в возможности его использования в деятельности образовательных учреждений разного типа.

Нельзя сказать, что тольяттинский краевед оставлен без внимания местных исследователей, но вновь выявленные факты позволяют утверждать, что его биография, эпизодически представленная в газетных статьях и в сборнике местной конференции [13, с. 30-33], должна быть существенно расширена и уточнена, поставлена в широкий исторический контекст.

Ряд обстоятельств определил особенное положение А. И. Галанина среди наиболее известных представителей тольяттинского краеведения. Последнее не было для него «родиноведением» в узком смысле этого слова, так как на свет он появился за пределами Куйбышевской области. Увлечение локальной историей не имело отношения и к профессиональной деятельности: в период жизни в Тольятти (1953-1984) А. И. Галанин не трудился в сфере среднего общего или высшего профессионального образования, как А. М. Тураев и В. А. Овсянников, не являлся партийным работником, как В. Н. Лошкарёв. Он работал там, откуда обычно не выходят краеведы, – в планово-экономическом отделе крупной строительной организации (Куйбышевгидрострой). При этом личный фонд Галанина в городском архиве представляет собой не менее ценное собрание документов для понимания того, чем жило местное краеведение в 1950-1980-е гг., каковы были направления и особенности его развития. Изучение документов городского и семейного архивов сняло это мнимое противоречие. Формирование устойчивого интереса к краеведческой и просветительской деятельности у А. И. Галанина хронологически совпало с рубежом 1910-1920-х гг. и оказалось связано с Петроградом, куда двадцатидвухлетнего красноармейца в 1919 г. направили на курсы по внешкольному образованию. В 1921-1925 гг. он обучался на гуманитарном отделении школьного факультета Ленинградского коммунистического политико-просветительного института им. Н. К. Крупской. Здесь же произошли события, давшие начало череде драматичных перипетий, приведших его на Среднюю Волгу, в г. Ставрополь (Указом Верховного Совета РСФСР от 28 августа 1964 г. переименован в Тольятти).

Появившись на свет в конце XIX в., по возрасту А. И. Галанин оказался старшим среди краеведов Тольятти (год рождения В. Н. Лошкарёва – 1909, Я. Г. Мирскова и А. М. Тураева – 1913, В. А. Овсянникова – 1942). Юность его совпала с периодом Первой мировой войны, революционными событиями и Гражданской войной, новой экономической политикой, революционно-романтическим взлётом культуры в 1920-х гг. и началом её постановки под жёсткий государственный контроль. В силу этих обстоятельств исторический горизонт жизни Александра Ивановича был существенно шире. Он являлся свидетелем разнообразных, переломных по своей значимости событий, тогда как у большинства местных краеведов формирование представлений о прошлом и настоящем происходило на рубеже 1920-1930-х гг., уже в условиях укрепления официальной версии их изложения. Представляется, что это определило особенности краеведческой

деятельности А. И. Галанина, круг его общественных интересов, тематику и стиль газетных публикаций, в которых он стремился избегать чрезмерного пропагандистско-идеологического запала, считая просветительскую и культуротворческую функции более важными.

Родина Александра Ивановича Галанина – село Ольхово Череповецкого уезда Новгородской губернии, где он появился на свет 18 августа 1896 г. в крестьянской семье [12, д. 70, л. 1, д. 71, л. 4]. Теперь Ольхово не существует: осталось на дне Рыбинского водохранилища. В этом же селе родился известный хирург Н. М. Амосов, которого, как гласит семейное предание, однажды спас из реки Иван, старший брат А. Галанина. Дед Александра Ивановича был крепостным помещика В. Верещагина, и молодой барин, будущий знаменитый художник, просил крестьян позировать в качестве бурлаков для эскизов к своей картине (1866 г.), тематической предшественнице знаменитого полотна И. Е. Репина 1873 года [Там же, д. 71, л. 4].

После обучения в двухклассном училище Министерства народного просвещения Александр Галанин пытался поступить в учительскую семинарию. Замысел этот тогда не осуществился, но мечта стать учителем осталась надолго. В четырнадцать лет он начал работать сначала практикантом, а затем матросом на пароходе (р. Шексна). Осенью 1912 г. поступил учиться во вновь открытую в Череповце торговую школу, на каникулах трудился на строительстве шлюзов. Торговую школу Александр Иванович окончил в 1915 г. и после нескольких месяцев работы конторщиком-счетоводом был призван служить в армию – сначала рядовым, затем писарем. В конце зимы 1917 г. демобилизовался с Рижского фронта и поступил счетоводом на шлюз «Черепаново». В 1918 г. вновь оказался призван, теперь уже в Красную армию, из которой в 1919 г. Александра Галанина командировали в Петроград, на курсы культпросветработников для красноармейцев [Там же, д. 70, л. 1], что неслучайно. Рубеж 1910-1920-х гг. – время заинтересованного внимания государства к организации внешкольного образования и политического просвещения. В «Известиях ВЦИК» № 272 (12 декабря 1918 г.) опубликован декрет «О мобилизации грамотных и организации пропаганды советского строя», предписывавший провести учёт всего грамотного населения с выделением хороших чтецов для организации их в группы, которые должны были знакомить неграмотное население со всеми мероприятиями правительства и «способствовать политическому развитию населения вообще» [9, с. 479]; через год появился Декрет о ликвидации неграмотности.

После окончания культурно-просветительских курсов А. И. Галанин оставили при политуправлении Ленинградского военного округа, назначив сначала инструктором по школьно-курсовой работе, а затем заведующим культотделом при политуправлении западных частей округа. В 1921 г., в связи с созданием при губернских отделах народного образования политпросветотделов, его, как и других работников военных политотделов Красной армии, занятых культмассовой работой со взрослыми, перевели в губоно. Так А. И. Галанин в конце марта 1921 г. стал заведующим пропагандистским отделом в Череповецком губоно и одновременно ответственным секретарём губернской чрезвычайной комиссии по ликвидации неграмотности. В сентябре 1921 г. Александра Ивановича командировали для обучения на гуманитарном отделении школьного факультета Ленинградского коммунистического политико-просветительского института им. Н. К. Крупской [17; 18]. Учёбу он тогда совмещал с работой: в школе рабочих подростков преподавал счетоводство, делопроизводство и статистику, в школе второй ступени – географию, участвовал в деятельности методических комиссий Ленинградского отдела народного образования. Вёл и общественную деятельность, выполняя обязанности председателя студенческого бюро института, представляя студенчество в предметных комиссиях. В 1924 г. Александр Галанин – участник I-го съезда библиотечных работников РСФСР, где на него большое впечатление произвёл доклад Н. К. Крупской «О библиотечной работе в деревне»; как он писал позже, простоту её речи и убедительность изложения мыслей он старался воспитать в себе самом [12, д. 12, л. 4 об.].

Завершить обучение в Ленинградском коммунистическом политико-просветительском институте Александр Иванович не смог. Судьба сделала крутой вираж: на четвёртом курсе, в начале лета 1925 г., не успев сдать два зачёта, как административно высланный, он вынужден выехать из Ленинграда в Уфу вместе с женой-учительницей. Документы дают две версии причины высылки Галанина из Ленинграда, впрочем, близкие по своей сути. В автобиографии 1937 г. указано на «связь с одним студентом, который оказался эсером»; Александр Иванович проживал с ним в общежитии в одной комнате и не сумел «разоблачить его преступную деятельность» [2, л. 1-2]. Однако в жизни краеведа есть ещё один факт, который предопределил не один излом в линии его судьбы. В 1919 г. молодой А. Галанин вступил в партию анархо-коммунистов, полагая, что «эта партия скорее приведёт к коммунизму». Официальный выход из неё, с извещением об этом в печати, состоялся в 1922 г. Современные исследователи указывают на неустойчивость анархистских кружков, групп и организаций, о колебании их представителей и переходе в другие партии и движения [3, с. 348]. О мотивах разочарования А. Галанина в анархо-коммунизме мы теперь знаем только то, что он написал существенно позже, в декабре 1937 г., за месяц до ареста в Уфе по обвинению в контрреволюционной деятельности: во время обучения в институте «стали ясны мои заблуждения», «по мере повышения своей политической грамотности стал убеждаться в том, что анархизм вреден» [2, л. 2]. В коммунистическую партию он не вступал ни в начале 1920-х гг., ни позже, хотя такие сведения можно встретить в публикациях [13, с. 30].

После окончания двухлетнего срока административной высылки А. И. Галанин с семьёй прожил в Уфе ещё двенадцать лет. В этот период он преподавал педагогику и методику внешкольной работы в Башкирском педагогическом техникуме, на педагогических курсах Наркомпроса, в техникуме искусств. В период 1928-1931 гг. был методистом-общественником в городском штабе культпохода, начальником районного штаба культпохода в Уфе. С октября 1934 г. занимал должность директора республиканского Дома учителя [2, л. 2]. В начале 1930-х гг. Александр Иванович совместно с учителями развернул работу по созданию местных и городских экскурсионных маршрутов под общим названием «По историческим местам

родного края», в связи с организацией которых в 1933 г. в Главполитпросвете произошла вторая встреча с Н. К. Крупской [12, д. 71, л. 3, 7 об.].

От должности директора областного Дома учителя А. И. Галанина отстранили 23 июля 1937 г., из техникума искусств он ушёл 15 декабря. Спустя пять дней после этого появился его машинописный текст «За что меня освободили от должности директора областного Дома учителя». К концу 1937 г. свой отказ от педагогической работы в пользу административной Александр Иванович расценивал как большую ошибку, сетуя на то, что после увольнения с должности директора Дома учителя «не могли возвратиться туда, откуда взяли, не посчитавшись с восемнадцатилетним учительским стажем» [2, л. 4]. 23 января 1938 г. он арестован местными органами НКВД и по постановлению ОСО НКВД СССР от 16 октября 1938 г. осуждён за контрреволюционную деятельность на три года исправительно-трудовых лагерей, без поражения в правах. Наказание отбывал в лагерях НКВД в Соликамске Молотовской области (Боровск) [12, д. 70, л. 5]. Представление о характере обвинений даёт текст заявления жены А. И. Галанина Екатерины Аркадьевны Земзиной [4]. Обращение с просьбой о пересмотре дела и отмене постановления ОСО НКВД СССР она направила в ноябре 1939 г. на имя Народного комиссара МВД СССР Л. П. Берии, спустя десять месяцев после ареста мужа в Уфе. Другие источники сведений об этих обстоятельствах – пояснительная записка «За что меня освободили от должности директора областного Дома учителя» и автобиография А. И. Галанина, составленные в декабре 1937 г.

На предварительном следствии Александру Ивановичу предъявили обвинение в антисоветской агитации и создании контрреволюционной группы, которое не нашло подтверждений. Вслед за этим появилось обвинение в контрреволюционной деятельности в Доме учителя, где он был директором. Поскольку доказательств осуществления подобной деятельности также не обнаружили, следователь НКВД, как следует из заявления Е. А. Земзиной, «угрозами и психическим воздействием начал требовать от Галанина саморазоблачения» [Там же, л. 2]. После нескольких таких допросов в процессе следствия были организованы очные ставки. Свидетель обвинения, бывший председатель обкома Союза начальных и средних школ С-ин, показал, что при проведении лекций А. И. Галанин «пропагандировал методы буржуазной педагогики». Свидетель основывал свои показания на том, что при чтении ему первой темы по педагогике Александр Иванович упоминал о теории отмирания школы Шульгина. Выступая в защиту мужа, Екатерина Аркадьевна указывала на то, что наличие в лекции информации о методах буржуазной педагогики не объяснялось его желанием пропагандировать эти теории, но было необходимо для того, «чтобы С-ин понял, откуда берут корни анти-ленинские теории в педагогике, и подчеркнуть особую необходимость овладения теорией Маркса-Ленина-Сталина по вопросам педагогики» [Там же, л. 4]. Внутриполитическую подоплёку обвинений такого рода в деле А. И. Галанина 1938 г. проясняет краткий экскурс в историю советской педагогики конца 1910-1930-х гг.

Постановления ВКП(б) «О начальной и средней школе» от 5 сентября 1931 г. и «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» от 25 августа 1932 г. закрепили факт создания системы управления образованием, целью которой провозгласили подготовку «всесторонне развитых членов коммунистического общества». Однако борьбу с педагогическими объединениями, не отвечавшими задачам формирования социалистической культуры, начали раньше, на рубеже 1910-1920-х гг. В сентябре 1918 г. состоялся I съезд по народному образованию Шацкого уезда Тамбовской (Рязанской) губернии, на котором учителей призвали объединиться в Союз учителей-интернационалистов, «порвать всякую связь» с дореволюционным Всероссийским учительским союзом (ВУС) как «организацией явно контрреволюционной» и закрыть её местное отделение. В конце сентября прошёл съезд учителей Духовщинского уезда Смоленской губернии, постановивший выйти из ВУСа и образовать свой Союз учителей-интернационалистов. Подобные решения были приняты в октябре на съезде учителей Себежского уезда Витебской губернии, на Тульском губернском съезде учителей и деятелей по народному образованию [8, с. 405] и др. Из постановления Тульского губернского съезда, опубликованного в «Правде» от 8 октября 1918 г., следовало, что «учительство хочет теперь работать рука об руку с советскими работниками, объединившись вокруг партии коммунистов, и строить новую школу – единую, трудовую новую жизнь новых людей» [Там же, с. 406]. Восьмой делегатский съезд ВУСа, намеченный на 4 января 1919 г., не состоялся, так как Декретом ВЦИК от 23 декабря 1918 г. Союз распущен как антисоветская организация [Там же, с. 407]. Предъявленные ему обвинения ярко характеризуют эпоху: участие местных организаций в белогвардейских мятежах и кулацких восстаниях, создание боевых отрядов из учителей, призыв учительства к неподчинению советской власти и забастовкам.

В период 12-19 января 1919 г. прошёл Второй съезд учителей-интернационалистов, на котором противостояли два течения: представители Петроградского союза работников просвещения отрицали различия между рабочими и интеллигенцией в системе профессионального движения, предлагая создать производственный союз, подобный другим рабочим союзам, тогда как руководители Союза учителей-интернационалистов отстаивали профессионально-политический принцип организации союза. Итог дискуссии подвёл учредительный съезд Союза работников просвещения и социалистической культуры (июль 1919 г.), который стал единственным профессиональным объединением всех работников просвещения. В течение года повсеместно созданы его местные организации. Письмо ЦК РКП(б) от 18 сентября 1921 г. «О работе среди работников просвещения» проводило мысль о необходимости местным парторганизациям начать систематическую деятельность среди работников просвещения с целью поднятия их общественно-политической сознательности.

Некоторое время организационные перемены в системе советского образования не препятствовали дискуссии по вопросам педагогической теории. В 1927-1929 гг. вышли три тома «Педагогической энциклопедии», однако с 1930-х гг., вплоть до середины 1950-х гг., издание стало объектом критики за «многочисленные статьи, отражавшие буржуазные и мелкобуржуазные влияния на советскую педагогическую теорию,

являвшиеся неприкрытой пропагандой лженауки – педологии, антиленинской теории отмирания школы, различных прожектерских методов и форм организации учебных занятий («Метод проектов», «Далтон-план» и т.д.)» [5, с. 17-18]. Так общепринятые принципы подготовки энциклопедического издания, предполагающие объективное и относительно исчерпывающее информирование читателя по определённой отрасли, вошли в противоречие с идеологическими установками эпохи.

Как для любого опытного лектора, для А. И. Галанина необходимость ознакомления слушателей с содержанием явления, даже подвергаемого критике, являлась аксиомой, но в 1930-х гг. введение в практику подобной формы развития аналитического мышления у учащихся могло иметь печальные последствия. В своей объяснительной записке о причинах освобождения от должности директора Дома учителя Александр Иванович указывал на то, что до 1931 г. теория проектов практиковалась в школах, более того, преподаватели педагогики не имели права не говорить о методе проектов на занятиях, так как этого требовали вышестоящие инстанции [1, л. 4]. После Постановления ВКП(б) о школе 1931 г. учителя, пропагандировавшие по собственной воле или по необходимости проектный и лабораторный методы, были вынуждены оправдываться, что делал и А. И. Галанин. В записке он сообщает о том, что когда в Наркомпросе ему поручили выступить с докладом «о переходе на свободную систему лабораторного плана преподавания» перед учителями Уфы, то он предостерегал коллег от скоропалительного его внедрения, процитировав стихотворение «Сон» из книги Николая Огнева «Дневник Кости Рябцева»:

Вдруг раздался гром ужасный
/Пот пробрал меня сквозь сон/,
И на школьном горизонте
Появился лорд Дальтон.
С ним сто пять лабораторий,
Тощих, грозных... и пустых [Там же, л. 5]...

Далее Галанин сообщал, что для перехода на свободную систему обучения школьников он предлагал прохождение трёх стадий: а) увеличение самостоятельных работ; б) выдача по 1-2 предметам заданий на 2-4 часа; в) переход на свободную систему с твёрдым расписанием и посещением консультационных часов (2 часа). Александр Иванович писал: «Сейчас ясно, что и эти предложения были тем же сном, но тогда предлагали проводить этот метод в жизнь. В своих заблуждениях в своё время, после постановления ЦК ВКП(б) о школе от 5/IX-1931 г. выступал в коллективах учителей техникума, раскрыв все свои ошибки. Последние годы педагогику я строил только по подлинным материалам Маркса-Ленина-Сталина, программе ВКП(б) и постановлениям... о школе. Рекомендовал только эти первоисточники и не рекомендовал никаких учебников по педагогике, так как во всех них были ясно выражены уклоны от постановлений ЦК ВКП(б)» [Там же, л. 6].

Со времени учёбы А. И. Галанина в Ленинградском коммунистическом политико-просветительном институте к середине 1930-х гг. существенные трансформации пережило и отечественное краеведение, превратившись из «полугосударственного» 1920-х гг. в «государствлённое» [6]. Краеведческие секции при учреждениях стали «весьма популярным, даже модным и конъюнктурным явлением советской жизни», при этом отделить их от других сфер деятельности было проблематично, поскольку краеведение оказалось «подчинено политическим и хозяйственным интересам тоталитарного государства» [Там же, с. 59, 61]. В соответствии с Постановлением Совета народных комиссаров РСФСР № 396 от 30 марта 1931 г. «О мероприятиях по развитию краеведного дела», в организационную систему отрасли вошли краеведческие ячейки в учреждениях, областные бюро краеведения при органах народного образования, Центральное бюро краеведения при Наркомпросе, возглавившем краеведческое движение с 1924 г. [Там же, с. 60, 70]. Лекции и экскурсии стали основными видами мероприятий для работы с населением.

В учреждениях, не имевших низовых краеведческих ячеек, лекции и экскурсии такого профиля всё равно являлись неотъемлемой частью деятельности. Не был исключением и уфимский областной Дом учителя (см. Рис. 1). За время недолгого директорства в нём А. И. Галанина экскурсии из случайных событий превратились в систематические. Последнее не удивительно, ведь в год поступления Галанина в политико-просветительский институт им. Крупской открыли просуществовавший совсем недолго Петроградский (Ленинградский) экскурсионный институт (1921-1924), который внёс огромный вклад в изучение и популяризацию экскурсионного метода [14, с. 58]. Сомнительно, чтобы студенты школьного отделения политико-просветительского института, современники «золотого десятилетия» советского краеведения, оказались непричастны к экскурсионному движению, инициированному новым учебным заведением, ведь один из главных инициаторов создания экскурсионного института И. П. Гревс настаивал на том, что «экскурсионное дело должно быть одной из важнейших задач при подготовке учителей и работников просвещения вообще» [Там же, с. 60-61]. Середина 1920-х гг. стала драматичной не только для истории отечественного экскурсоведения, но и для судьбы конкретного человека: на следующий год после прекращения деятельности экскурсионного института Галанина выслали из Ленинграда в Уфу.

Если летом 1934 г., до того как Галанин возглавил уфимский Дом учителя, экскурсиями обслужили 70 чел., то за полтора месяца до увольнения, с июня до 18 июля 1937 г., в дальние экскурсии отправили 558 чел., местными обслужили 1122 чел. [1, л. 1-2]. На летний период при Доме учителя оборудовали общежитие, в которое селили экскурсантов из района. Эту работу осуществляли в условиях нехватки кадров: в феврале 1937 г. в декретный отпуск ушла руководитель политико-массовой работы, после которого на работу в Дом учителя уже не вышла, так как переехала в другой район; с мая 1937 г. ушла в декретный отпуск и бухгалтер; завхоза сократили, секретаря не имелось, массовика тоже. В объяснительной записке Александр

Иванович указывал, что летний план по экскурсиям не выполнил бы, если бы не помощь актива и собственная работа с утра и до часа-двух ночи. Поэтому обвинения в развале работы Дома учителя при увольнении с должности директора 23 июля 1937 г. он считал несправедливыми и, что называется, принял близко к сердцу.

Рисунок 1. В читальне Уфимского областного Дома учителя.

*Актив библиотеки и клуба перед лекцией профессора Немкова «О происхождении жизни на земле». 1936 г.
Слева направо: лектор – третий, А. И. Галанин – шестой*

Снятие А. И. Галанина с должности директора обком Союза начальных и средних школ объяснял и тем, что он, «как бывший член партии анархистов и как административно-высланный из Ленинграда, слабо руководил политико-воспитательной работой учителей» [4, л. 1]. В качестве аргументов приведены отсутствие в клубе Дома учителя политических лозунгов, срыв «проработки» Конституции (мероприятие перенесено с апреля на май 1937 г.), неполное изъятие «контрреволюционных книг» из библиотеки. В объяснительной записке Александр Иванович сообщал, что, когда его пригласили на работу в областной Дом учителя, он не скрыл, что являлся анархистом-коммунистом и был выслан в Уфу, предупредив председателя обкома Союза начальных и средних школ об этом лично. Писал он и о том, что просил помощи по организации политического воспитания, после чего в правление Дома учителя ввели двух членов ВКП(б), членов областного комитета Союза начальных и средних школ тт. С-на и Б-у, помощь от которых, по отзыву Александра Ивановича, была, но недостаточная. Большой проблемой стал набор руководителей кружков политпросвещения: осенью 1936 г. собрали 100-120 желающих заниматься в них учителей для организации четырёх кружков, которые укомплектовали и руководителями, однако пока директор Дома учителя был в отпуске, двух руководителей «перебросили в другое место, а новых не дали, затем сняли третьего». А. И. Галанин многократно обращался за помощью к инструкторам горкома партии, сообщал о нехватке руководителей в отчётах-сводках в ЦК Союза начальных и средних школ. Двух руководителей дали во второй половине учебного года, третий так и не появился. В результате «слушателей соединяли всех вместе и получались лекции, а не кружковые занятия» [1, л. 2]. Когда из ЦК предложили организовать кабинет агитации и подыскать заведующего для него, Галанин стал активнее добиваться заместителя по политико-массовой работе. Требование ЦК ускорить организацию кабинета заставило Александра Ивановича обратиться туда же за помощью, так как областной комитет работника не давал. После этого он получил выговор от вернувшегося из Москвы заместителя председателя областного комитета Союза за то, что пожаловался в ЦК.

Письмо А. И. Галанина «За что меня освободили от должности директора областного Дома учителя», направленное в ЦК Союза начальных и средних школ, являлось последним средством отвести от себя надвигающуюся напасть. Написано в конце 1937 г., то есть спустя пять месяцев после снятия с должности директора. Необходимость объясниться с неким адресатом в ЦК Союза начальных и средних школ он почувствовал только после ухода из техникума искусств (15 декабря). Дата, поставленная от руки в конце письма, – 20 декабря – заставляет предположить, что уход из техникума был не вполне добровольным: «После высылки в Уфу в 1925 г. я честно и добросовестно работал, как советский педагог, работал, не считаясь со временем, не только в педагогической, но и в общественной деятельности, отдавая весь свой опыт и знания... Я понимаю, что сейчас во главе такого учреждения, как областной Дом учителя, должен быть член партии, через которого могло бы осуществляться партийное руководство над этим участком профсоюзной работы. И когда меня освободили от должности директора, не думал писать Вам. Но когда начинают увольнение обосновывать тем, что Галанин развалил работу в клубе, то уж после этого, хотя и с опозданием, решил написать в Президиум ЦК. <...> Я не прошу возвращения на работу в Дом учителя. Хватит и того, что один раз сделал ошибку, уступая просьбе профработников, ушёл с любимой педагогической работы на административную, откуда бесцеремонно выбросили... Прошу одного: избавить меня от незаслуженных обвинений, они не дают мне покоя и дайте мне возможность продолжать спокойно, добросовестно работать

учителем и быть активным членом нашей социалистической родины. Высокое звание народного учителя будет оправданно с моей стороны» [Там же, л. 4].

Объяснения не могли помочь тому, кого уже выбрали на роль то ли ритуальной жертвы (Е. А. Земзина сообщала, что её муж упоминал о том, что «председатель обкома не раз говорил, что в Союзе его ругают за то, что он не находит врагов народа среди членов Союза» [4, л. 4]), то ли в качестве средства выполнения плановых показателей по набору рабочей силы для социалистического строительства (факт существования плановых показателей на количество осуждённых сегодня общеизвестен [10, с. 82; 21, с. 201]).

После отбывания трёх лет в исправительно-трудовых лагерях в Соликамске, в 1941 г. начался новый этап в трудовой биографии А. И. Галанина, связанный со строительством гидроузлов. Первым местом работы стал Соликамстрой НКВД СССР, где он сначала был старшим инженером, затем занимал должность начальника планового отдела. В это же время осуществлял здесь краеведческую деятельность. В период 1947-1953 гг. Александр Иванович работал в управлении Волгобалтстроя в Вытегре.

Преподавать А. И. Галанин больше не стал. В период завершения работы в Соликамстрое, перед переездом в Вытегру, в мае 1946 г. он взял справку, подтверждавшую его обучение на школьном отделении Ленинградского коммунистического политико-просветительного института им. Н. К. Крупской [17]. Целью было, вероятно, возвращение к любимой профессии. Теперь можно только предполагать, почему этого не случилось. В августе 1946 г. появились постановления ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», что свидетельствовало об усилении контроля за «идеологически вредными» явлениями советской жизни. Оба журнала издавали в Ленинграде, с которым у Александра Ивановича оказалось связано многое: активное участие в политической и общественной жизни, учёба на курсах культпросветработников и в институте, педагогическая деятельность, высылка в Уфу. Видимо, во второй раз он решил не испытывать судьбу, жизненный урок был усвоен.

В 1953 г. А. И. Галанин вместе с женой приехал на строительство Куйбышевского гидроузла. Сначала он работал старшим инженером строительного-монтажного управления левого берега Куйбышевгидростроя, после завершения строительства ГЭС – начальником планового отдела СМУ-6 [12, д. 71, л. 18]. Выйдя на пенсию с 1961 г., Александр Иванович – в этот момент житель поволжского Ставрополя – занялся активной краеведческой и общественной деятельностью.

В 1961 г. состоялся XXII съезд партии, на котором обсуждение террора сделано относительно гласным, в 1962 г. изданы «Люди, годы, жизнь» И. Эренбурга и «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына – произведения, с которых началось открытое обсуждение сталинского террора. В это же время поставлена точка в истории осуждённого ОСО НКВД А. И. Галанина. Дело по обвинению Александра Ивановича пересмотрено Президиумом Верховного суда Башкирской АССР 21 марта 1963 г., постановление в его отношении от 16 октября 1938 г. «отменено и дело производством прекращено» [16]. Справка о реабилитации пришла на имя Екатерины Аркадьевны Земзиной, что говорит об инициаторе запроса в государственное учреждение. Та, которая в письме 1939 г. на имя Л. П. Берии не побоялась указать на нарушение следователями НКВД ряда статей уголовно-процессуального кодекса, написать его в требовательном тоне, и теперь верно защищала доброе имя близкого человека, зная лучше других, как беспокоили Александра Ивановича несправедливые обвинения.

А. И. Галанин имел много интересов и увлечений, возможности отдаться которым всецело он ждал многие годы. В автобиографии перечислены основные направления приложения сил после выхода на пенсию: активная общественная работа по краеведению, сбор материалов по истории поволжского Ставрополя, следопытская работа с пионерами, создание первого кружка филателистов в ДК «Юбилейный», «розыск замечательных мест, где останавливалась семья Ульяновых, где рисовали и жили художники Репин и Васильев», поиск родственников героев-комсомольцев (В. Ступиной, В. Носова), организация выставок цветов, подготовка статей для газет «За коммунизм» и «Гидростроитель» в качестве их внештатного корреспондента [12, д. 70, л. 3-4].

В 1969 г. исполнилось пятьдесят лет рабкорской деятельности И. А. Галанина. Его первая заметка – «С миру по нитке» – являлась призывом к сбору средств для раненых красноармейцев и была напечатана под псевдонимом А. Степной в газете Череповецкого губернского комитета РКП(б) «Коммунист» 11 декабря 1919 г. [Там же, д. 72, л. 30]. В Тольятти для газет «За коммунизм» и «Гидростроитель» он готовил статьи, как правило, связанные с его собственными увлечениями и общественной работой. Одни написаны им как заместителем председателя Тольяттинского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, другие – в качестве члена президиума городского Общества охраны природы. На страницах прессы он размещал обзоры литературы по истории затопленного Ставрополя и др. В 1976 г. рабкора А. И. Галанина наградили именными часами за активное творческое сотрудничество в газете «Гидростроитель» [Там же, д. 85, л. 9].

Давней страстью А. И. Галанина являлось коллекционирование марок. Из заметки во всесоюзном журнале «Мир увлечений» за 11 ноября 1970 г. мы узнаём, что первым предметом его коллекции стала дореволюционная гербовая марка номиналом в 20 копеек, на которой отец сделал надпись «1910 года, мая, 1 дня» [Там же, д. 72, л. 6]. Филателию Александр Иванович считал средством знакомства с историческими событиями, достижениями науки и искусства в увлекательной форме. В период 1964-1970 гг. он создал в Тольятти кружки и клубы юных филателистов при дворцах культуры «Юбилейный» и «50-летия Октября»; в феврале 1970 г. при ДК «40 лет ВЛКСМ» по инициативе члена Тольяттинского отделения Всесоюзного общества филателистов (ВОФ) М. А. Фукса создан Клуб юных филателистов, руководителем которого также стал А. И. Галанин [Там же, д. 71, л. 14 об.]. Всего в Тольятти имелись три клуба юных филателистов, руководили ими А. И. Галанин и студентка Тольяттинского политехнического института В. Пивоварова. В этом увлечении А. И. Галанин тоже оставался краеведом. Марки с изображением Волжской ГЭС им. Ленина и её строительства, рабочего колеса турбины, конверты и спичечные этикетки с гидротехническим

комплексом, конверты с «тольяттинскими сюжетами» (завод синтетического каучука, площадь Свободы, автомобиль «Жигули» (ВАЗ-2103) становились экспонатами выставок. Под газетными статьями, посвящёнными филателии, после фамилии он писал «краевед-коллекционер».

Жизнь и трудовая деятельность А. И. Галанина имела довольно широкую географию, что отразилось на его краеведческих интересах. Строительство гидросооружений приводило к затоплению старинных населённых пунктов, судьба их исторических и художественных ценностей интересовала его. В 1968 г. исполнилось 140 лет со дня рождения Л. Н. Толстого. В связи с этим возникла переписка Александра Ивановича с краеведческим музеем г. Березники, Пермским обществом охраны памятников истории и культуры, музеем-усадьбой Л. Н. Толстого в Ясной Поляне о местонахождении фрески «Толстой в аду» из церкви села Орёл Березниковского района на р. Каме, которая, как писал краевед, после закрытия храма в 1941 г. была снята со слоем штукатурки реставратором П. И. Юкиным и передана в Усольский краеведческий музей, фонды которого в 1955 г. перевели из зоны затопления Камского водохранилища в музей г. Березники [Там же, д. 76, л. 4 – 9 об.].

Личный фонд А. И. Галанина в городском архиве Тольятти содержит исторические обзоры гидротехнического строительства, посвященные объектам, в сооружении которых Александр Иванович принимал участие, то есть о Волго-Балтийском водном пути (бывшая Мариинская система) и Куйбышевском гидроузле [Там же, д. 5, 9, 10]. Существенная часть коллекции – альбомы с систематизированными вырезками газетных статей, среди которых беседы и интервью с начальником строительства Куйбышевского гидроузла И. В. Комзиным, руководителем Куйбышевгидростроя Н. Ф. Семизоровым, репортажи о завершении строительства гидроузла и перекрытии Волги, возведении Волжского автомобильного завода, Автозаводского жилого района. Интересовали его и публикации, хотя не относившиеся к хроникам крупных строек, но важные с точки зрения развития культуры молодого города: репортаж о первом выпуске учителей рисования в Тольяттинском педагогическом училище, интервью с архитекторами и художниками-монументалистами [Там же, д. 85, л. 3 об. – 4, 10, 13]. В личный фонд Галанина входят ценные печатные издания. Значимость их обусловлена малым тиражом и сложностями с получением разрешения даже на фрагментарное копирование в центральных библиотеках из-за до сих пор не снятого грифа «для служебного пользования». К редким фотографиям можно отнести снимок разрушенного санатория «Лесное», на территории которого в октябре 1941 – октябре 1943 г. разместили эвакуированный в Ставрополь Военный институт иностранных языков (ВИИЯ) [19, л. 117-119].

Кроме личного фонда Галанина, в городском архиве есть другие, имеющие к нему отношение. Например, фонд 12ф, включающий фотодокументы из коллекции Александра Ивановича; автором многих фотографий являлся он сам или его близкие. На них запечатлены уже не существующие произведения тольяттинской архитектуры советского неоклассицизма и модернизма (кинотеатр «Космос», дворец культуры «Гидростроитель»), здания, облик которых изменён (гостиница «Жигули», ДК «Юбилейный»), панорамы жилой застройки города [11, д. 287-288, 290-292].

Прошлое и настоящее причудливо переплетались в его жизни. В газете «За коммунизм» за 12 октября 1970 г. в рубрике «Из воспоминаний» помещено описание революционной театральной постановки «Рождение коммунара», зрителем которой в 1919 г. стал красноармеец А. Галанин. В спектакле, созданном на основе пьесы П. Козлова «Легенда о коммунаре», участвовал знаменитый юный «пролеткультивец» Котя Мгебров. «По ходу пьесы из открывающегося люка появлялся весь в красном, с развивающимся красным флагом в руках мальчик-коммунар. Его приветствовали артисты революционными песнями: Нас не сломит нужда, / Не сожнёт нас беда, / Рок капризный не властен над нами. / Никогда, никогда / Коммунары не будут рабами!» [12, д. 71, л. 29]. Петроградский молодёжный театральный коллектив, которым руководили артист Александр Авельевич Мгебров и его жена Виктория Владимировна Мгеброва-Чекан, выступал с этой постановкой на фронте перед красноармейцами в дни наступления Юденича. Представление о подобных театральных реализациях, организованных в соответствии с духом времени, современный читатель может почерпнуть только из мемуарной литературы и воспоминаний.

Извивы судьбы А. И. Галанина раскрывают особенности эпохи, одновременно вводя в дискурс социальной и политической истории, культуры повседневности, советской педагогики и внешкольной деятельности. Александр Иванович мог быть полезен в учительской профессии, к которой стремился с юности, но обстоятельства столкнули его с управленческой машиной, находившей изощрённые способы рекрутирования дешёвой и крайне зависимой рабочей силы, создавшей ситуацию, когда «у террора было много лиц, и за каждым из них стоял человек со своей судьбой» [7, с. 197]. Поразительно сходство реализации репрессивного сценария в биографии А. И. Галанина с описанными в мемуарной литературе (Е. Гинзбург, Н. Коржавин), что свидетельствует о системности явления и его технологической «отработанности». За пределами исследования теперь остались глубинные переживания А. И. Галанина, однако его уверенности в общественном предназначении своей жизни не поколебали даже драматичные перипетии.

А. И. Галанин ушёл из жизни в 1984 г., накануне начала более широкого, по сравнению с 1960-ми гг., обсуждения проблемы репрессий. Сложно представить, как на рубеже 1980-1990-х гг. могли измениться представления краеведа об истоках репрессивной политики сталинского государства и её влиянии на его жизнь. Несомненно одно: несмотря на получение в начале 1963 г. справки о реабилитации, до самого своего конца Александр Иванович продолжал жить с так и не оставившей его потребностью оправдаться. В одном из дел личного фонда Галанина встречается небольшое дополнение к автобиографии: «...по наговору политически незрелых людей, пользующихся тяжёлой обстановкой в стране, был оклеветан» [12, д. 70, л. 5]. Эта точка зрения до сих пор имеет приверженцев, препятствуя разрушению легенды об эпизодичности негативных явлений сталинской эпохи, о частных по характеру «перегибах на местах», сопровождавших в целом «правильные» решения.

Проведённое исследование позволило сделать **выводы**, существенно корректирующие устоявшееся представление об А. И. Галанине. Реконструкция биографии тольяттинского краеведа дала возможность выделить ряд этапов в его просветительской и краеведческой деятельности:

1) 1919-1924 гг. (формирование устойчивого интереса к просветительской и краеведческой деятельности в период учёбы в Петрограде на курсах культпросветработников для красноармейцев и школьном факультете Ленинградского коммунистического политико-просветительного института им. Н. К. Крупской, во время преподавания в школе рабочих подростков и в школе второй ступени);

2) 1924-1937 гг. (просветительская, краеведческая и экскурсионная деятельность в Уфе в качестве директора областного Дома учителя, преподавателя средних профессиональных образовательных учреждений, методиста городского штаба культпохода);

3) 1938-1940 гг. (прерывание просветительской и краеведческой деятельности в связи с трёхгодичным пребыванием в исправительно-трудовых лагерях в Соликамске);

4) 1941-1961 гг. (работа в Соликамстрое НКВД СССР и Волгобалтстрое в Вытегре, с 1953 г. до выхода на пенсию – на Куйбышевском гидроузле; в это время вёл исследовательскую работу, связанную с наследием городов, попавших в зону затопления, составлял историческую справку о строительстве гидростанций в дореволюционный и советский периоды для будущего музея, посвящённого гидросооружениям);

5) 1961-1984 гг. (активное участие в общественной, просветительской и краеведческой деятельности в поволжском Ставрополе, переименованном в 1964 г. в Тольятти, развитие филателии, составление краеведческой библиографии, структурированной по тематическим разделам, подготовка публикаций для городских газет и др.).

А. И. Галанина можно назвать краеведом первой послереволюционной волны. «Культармейцы», «ликбез», «ликпункт», «краеведный фронт» – лексика эпохи, во многом сформировавшей его. «Многие из нас так и остались активными культурмейцами, пока не закончили поход против неграмотности, несмотря на перемену места работы», – писал он в одной из газетных статей [Там же, д. 71, л. 7]. Особенности личности А. И. Галанина ясно выражены не только в его делах, но и в высказываниях современников: «отдавал больше, чем брал» (В. Шемякин), «неизменно энергичный, приветливый, обязательно чем-нибудь увлечённый» (Г. Агенкова), «горение, страстность, увлечённость делом» (А. Александров) [Там же, л. 10-11]. Сложная биография, разнообразие увлечений и досуговое, то есть свободное, существование краеведения в его жизни предопределили особый характер занятий локальной историей: без жёстких идеологических оценок, вне географических и тематических границ.

Список источников

1. Галанин А. И. За что меня освободили от должности директора областного Дома учителя (Уфа, 20 декабря 1937 г.): машинопись, автограф, 6 л. // Семейный архив.
2. Галанин А. И. Моя автобиография (Уфа, 1937): машинопись, автограф, 3 л. // Семейный архив.
3. Ермаков В. Д. Анархистское движение в начале XX в. на окраинах Российской империи // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2010. № 1. С. 333-355.
4. Заявление Е. А. Земзиной в прокуратуру СССР (ноябрь 1939 г.): машинопись, 5 л. (архивная копия) // Семейный архив.
5. История советской школы и педагогики. М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1954. 48 с.
6. Козлов В. Ф. «Огосударствленное» краеведение. История и уроки (по страницам журнала «Советское краеведение». 1930-1936) // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Региональная история. Краеведение». 2013. № 9 (110). С. 53-83.
7. Козлов Д. Отзывы советских читателей 1960-х гг. на повесть А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича»: свидетельство из архива «Нового мира» // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 178-200.
8. Королёв Ф. Ф. Очерки по истории советской школы и педагогики (1917-1920). М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1958. 548 с.
9. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55-ти т. Изд-е 5-е. М.: Изд-во политической литературы, 1977. Т. 38. 580 с.
10. Меерович М., Коньшева Е., Хмельницкий Д. Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР 1928-1932 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 270 с.
11. МКУ «Тольяттинский архив» (МКУ «ТА»). Ф. 12ф. Оп. 12п.
12. МКУ «ТА». Ф. Р-378. Оп. 1.
13. Сергеева В. М. Трансформация отношения к местной истории как отрасли исторической науки // Материалы историко-краеведческих чтений «Наследие В. Н. Татищева» / Тольяттинский краеведческий музей. Тольятти: Наш современник, 2004. С. 26-42.
14. Смирнова А. Г. Из истории отечественной экскурсионной школы: Петроградский (Ленинградский) экскурсионный институт (1921-1924) // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Региональная история. Краеведение». 2012. № 6 (86). С. 58-77.
15. Сомов В. А., Беседина Е. А. А. А. Зиновьев о проблемах исторического познания советской эпохи // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 2. С. 507-517.
16. Справка о реабилитации А. И. Галанина № 14п63 от 6 апреля 1963 г. // Семейный архив.
17. Справка об обучении А. И. Галанина в Ленинградском государственном библиотечном институте им. Н. К. Крупской № 507 от 28 мая 1946 г. // Семейный архив.
18. Справка об обучении А. И. Галанина в Ленинградском государственном библиотечном институте им. Н. К. Крупской № 2-я/д от 13 января 1955 г. // Семейный архив.
19. Торсуков Е. Г. Альма-матер военных переводчиков // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2010. № 2. С. 112-126.
20. Хан-Магомедов С. О. Супрематизм и архитектура (проблемы формообразования). М.: Архитектура-С, 2007. 520 с.
21. Хоскинг Д. История Советского Союза. 1917-1991. М.: Вагриус, 1994. 510 с.

A. I. Galanin as a Regional Ethnographer and Educator (on the History of Togliatti Regional Studies)

Buraya Inna Viktorovna, PhD
The Lyceum of Arts, Togliatti
inna0769@yandex.ru

The paper identifies stages and reveals specificity of regional activity of A. I. Galanin, one of the leading regional ethnographers of Togliatti, in the 1960s – at the beginning of the 1980s. Special attention is paid to the period of 1919-1953, in which, as documents testify, he asserted himself as a regional ethnographer. Scientific originality of the study is conditioned by the fact that it contains the most complete A. I. Galanin's biography considered through the prism of socio-political and cultural problematics of the Soviet epoch. The research findings are as follows: the author traces genesis of A. I. Galanin's educational and regional activity, identifies and describes its stages, which allows filling certain gaps in the history of Togliatti regional studies.

Key words and phrases: Soviet regional studies; Togliatti; Aleksandr Ivanovich Galanin; Samara (Kuibyshev) region.

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.8.5>

Дата поступления рукописи: 04.07.2020

Цель исследования – определить особенности периода становления новой экономической политики в Якутии и рассмотреть деятельность таких новых для того времени органов управления, как продовольственная тройка и экономическое совещание, которые взяли на себя ответственность за перевод экономики губернии на принципы новой экономической политики. В работе изучается, каким образом Якутский губернский ревком осуществил переход от продовольственной разверстки к продовольственному налогу, от натурального обмена к восстановлению рыночных отношений. **Научная новизна** исследования заключается в том, что впервые представлен анализ деятельности органов управления экономикой региона в период перехода к нэпу. **В результате** доказано, что переход к новой экономической политике открыл для Якутии возможность перестройки всей системы государственного управления хозяйством в условиях развития рыночных отношений.

Ключевые слова и фразы: новая экономическая политика; история экономики; государственные органы управления; экономический кризис; рыночные отношения; Якутская АССР; история Якутии.

Бурнашева Наталия Ивановна, д. ист. н., доц.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск
n_burnasheva@mail.ru

Формирование государственной модели управления экономикой Якутии в первые годы нэпа (1921-1922 гг.)

Актуальность темы исследования обусловлена реалиями проблем современной российской экономики, для которой значительно возрастает важность изучения этапов исторического прошлого, ознаменовавшихся поиском путей вывода хозяйства страны из кризисных ситуаций. На основе анализа и обобщения архивных документальных источников в данной статье ставится цель: рассмотреть процесс создания местных органов управления экономикой, возложивших на себя ответственность за принятие решений по переводу экономики Якутии на новые условия хозяйствования.

Для достижения цели изучения данного периода необходимо решить следующие **задачи**: во-первых, исследовать региональные аспекты перехода к новой экономической политике; во-вторых, рассмотреть управленческие методы и средства, которые были применены государственными органами на местах для решения задач преодоления кризисных явлений.

Для осмысления проблемы формирования государственной модели управления экономикой Якутии в первые годы нэпа в статье применены следующие **методы исследования**: хронологический метод и метод контент-анализа. С помощью системного подхода обеспечивается аналитическое описание начального периода новой экономической политики.

Теоретической базой исследования послужили публикации современных авторов А. И. Бакшеева [1; 2], Э. Н. Соболева [7], Н. П. Носовой [6], Л. Н. Суворовой [8], С. А. Черноморца [10], О. А. Ульяновой [9], в которых рассматриваются основные этапы становления и особенности перехода к новой экономической политике.

Практическая значимость заключается в том, что анализ исторических событий и обобщение факторов, способствовавших принятию тех или иных государственных решений периода нэпа, могут стать опорой и ориентиром в оценке управленческих подходов сегодняшнего дня.

Многие современные исследователи периода новой экономической политики выделяют в своих работах его начальный этап становления, когда уже были ликвидированы институты репрезентативной демократии, сложившиеся к этому времени, и начала свое формирование «модель политического представительства в лице